

**С
О
П
Е
Р
Н
И
К**

Ника Сурц

Ника Сурц Соперник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70617085

SelfPub; 2024

Аннотация

Закрытый поединок, опасный соперник, предательство, любовь, одиночество все это в коротком рассказе "Соперник".

Ника Суриц

Соперник

1

Эрик так и не смог уснуть: мешала непрекращающаяся головная боль. Он стиснул зубы, приподнимаясь на жёсткой больничной кровати, и сбитым распухшим кулаком ударил по кнопке вызова медсестры:

– Эй, кто-нибудь! Опустите наконец эти чёртовы жалюзи!

В дверях показалась пожилая медсестра, сжимая в руках крошечный стеклянный стаканчик:

– Хорошо, месье Монер, – учтиво сказала она, протягивая ему стаканчик, – сейчас всё сделаю. Странно, что вам не нравится наш знаменитый карминный закат, здесь на острове его называют «неразлучник». – Медсестра недоумённо пожала угловатыми плечами и вкрадчиво продолжила: – Считается, что влюблённые, однажды встретив этот закат, уже никогда не расстанутся.

– Мне плевать на ваш закат, – произнёс Эрик, еле выговаривая слова опухшими губами, – впрочем, как и на ваш остров.

Быстро выпил лекарство из стаканчика и уткнулся в подушку.

Эрик соврал ей и мгновенно почувствовал, как у него сдавило горло.

Он часто возвращался мыслями на этот остров, куда приехал совсем юным в надежде найти хоть какую-нибудь работу в порту. Он сбивчиво рассказывал встречающимся людям свою трогательную историю: о том, что рос единственным ребёнком в семье, и отец – крепкий здоровяк ловко управлялся на нескольких работах. Но мать умерла от болезни, когда Эрик был совсем маленьким. Отец больше не женился, стал много выпивать, продал их старенький дом, промотал деньги и вскоре умер от белой горячки.

Эрику всё же посчастливилось получить место разнорабочего, а спустя время он встретил юную зеленоглазую шатенку с необычным именем Татин, которую до сих пор не мог вытеснить из своей памяти. Впервые он испытал тогда трепетную юношескую любовь и щемящее чувство нежности. Сейчас этот пламенный закат только усиливал гнетущую тоску по тихим и простым вечерам, проведённым с ней. Он восхищался её женственностью и утончённостью, длинными локонами, спускающимися водопадом на загорелые плечи, и редкостным упорством, с которым она доводила до конца любое дело.

На этом острове они вместе исполнили его заветную мечту – стать боксёром. Эта мечта давно жила в его сердце, но что-то мешало ему сделать первый шаг. А теперь, вдохновленный поддержкой Татин, он начал упорно тренироваться. Один за другим Эрику покорялись различные приёмы, а его выносливость, сила воли и дисциплина превращали обычно-

го парня в успешного спортсмена. Он впервые почувствовал себя сильным и по-настоящему счастливым.

Это теперь, лежа, уткнувшись в подушку, он понимал, что когда-то сделал неправильный выбор и снова связать их с Татин может лишь чудо. Но тогда, несколько лет назад, всё было иначе: он почувствовал, что меняется сам, меняется его окружение, что парень с его данными и целеустремлённостью не должен киснуть на маленьком острове, он должен идти дальше.

Медсестра направилась к окну и увидела, как к больничной парковке подъезжает чёрный спортивный автомобиль.

– Кажется, ваш тренер приехал со своей дочерью, – тихо сказала она, опуская жалюзи.

Эрик был рад приезду Жана Бонье, он уважал его не только за прошлые заслуги в боксе, но и за искренность, честность и надёжность. А вот его двадцатилетняя дочь Кристин, повсюду следовавшая за отцом, изрядно раздражала парня, он считал её выскочкой и воображалой. К тому же она была слишком дотошной, и он подозревал, что эта девица проявляет чрезмерный интерес к его прошлому. В каждом их разговоре он чувствовал её стремление узнать о нём что-то большее. Кристин изучала психологию в университете и параллельно помогала своему отцу вести бумажные дела, но при этом не пропускала ни один поединок Эрика, а в последнее время и тренировки.

Он сморщился от очередного приступа головной боли и

еле слышно произнёс:

– И она тут.

Медсестра в белоснежных сабо тяжело зашаркала к двери.

– Эрик, всё будет хорошо! – столкнувшись с медсестрой и переводя дыхание, выкрикнул высокий мужчина средних лет. Он размашистым, уверенным шагом подошёл к Эрику и уселся на его кровать: – Я поговорил с врачом, он, конечно, тебя не хочет отпускать, но, думаю, мы решим этот вопрос, под мою ответственность. Посмотри, я привёз тебе Кристин. – Бонье кивнул в сторону стройной блондинки. – Поболтайте пока, а я через полчаса вернусь, мне необходимо уладить вопрос с частным самолётом, отсюда просто так не выбраться.

Тренер ушёл, а Эрик вытянул свою мускулистую шею и стал вглядываться в сторону дверного проёма, где о чём-то оживлённо перешёптывались медсестра и Кристин.

– Здравствуй, Эрик! – заметив его настороженный взгляд, весело сказала Кристин, и её острые каблуки звонко застучали по идеально вымытому полу.

На отёкшем, с многочисленными ссадинами, лице Эрика появилась недовольная гримаса. Он уставился одним полуоткрытым глазом на пышное платье Кристин из красного муслина, в котором она всегда приходила к нему на бои.

Сейчас этот цвет, напоминающий о местном восьмиугольном ринге, вызвал в нём невыносимое отвращение. Он издал сиплый стон, возвращаясь мыслями к позавчерашнему

крупному поражению в бою с никому не известным боксёром. Эрик до сих пор не мог понять, как этот юнец молниеносно предугадывал его тактику. Он вспомнил начало поединка: многие болельщики спустились с трибун, плотно обступили ринг и несколько минут яростно скандировали его имя. Все эти люди были не случайными зрителями, это состоятельные члены клуба, и поединок устраивался строго для «своих».

Месяц назад Кристин передала ему предложение организаторов клуба: провести всего один бой, после которого победитель получит довольно солидный гонорар. А в качестве соперника выступал какой-то новичок по прозвищу Брок. Со стороны Брока было единственное условие: драться он будет одетым в чёрный рашгард с длинными рукавами и с лицом, покрытым слоем чёрного грима. Организаторы объяснили эту странность тем, что неминуемое поражение от такого маститого бойца, как Эрик, навредит начинающейся карьере перспективного паренька, а тот жаждет попробовать свои силы в поединке с опытным бойцом. Да и к тому же это вызвало интерес у членов клуба, и они готовы были финансировать схватку.

Сначала Эрик отказался, но его уговорила Кристин, убедив, что предложение действительно стоящее.

Поединок начался стремительно, уже на первых секундах Эрик получил глубокое рассечение над бровью. Кровь застилала глаз, лилась на грудь, разлеталась в разные стороны.

Это разозлило Эрика, ведь он считался сильным ударником, многие соперники избегали биться с ним в стойке, стремясь перевести поединок в партер. Но сейчас этот новичок дерзко сцепился с Эриком на ринге.

Все эти два дня Эрик скрупулёзно восстанавливал в памяти внешность Брока: юный, чисто выбритый, невысокий. Брок уступал Эрику в весе, но выглядел довольно крепким и собранным. Ничего больше рассмотреть не удалось: узкое лицо парня было густо покрыто чёрной краской, блестящей в свете ярких ламп.

Правда, Эрик успел разглядеть его тату в виде белой орхидеи, выглядывавшей из-под узкого рукава рашгарда. Кто же на самом деле этот Брок, наносивший ему такие просчитанные удары? Теперь выяснить сложно, его представители больше не выходят на связь, а запись боя, по условиям организаторов, не велась.

До этого Эрик никогда не бился все три раунда, обычно он побеждал в конце первого, иногда в начале второго. Но не в этот раз. Бой затягивался и становился жёстче, явное преимущество было у новичка.

Эрик дотронулся до платья Кристин:

– Крис, сейчас я просто ненавижу этот цвет.

– Но это же твой символ! – ответила девушка.

Эрик pokrивился. До недавнего времени он действительно считал, что красный цвет приносит ему удачу. Мысли о таинственной поддержке различных талисманов или обере-

гов иногда приходили ему в голову, но он не придавал им особого значения и придерживался мнения: то, к чему ты особенно привязываешься, делает тебя его рабом. Руководствуясь этим принципом, Эрик не привыкал ни к чему в своей жизни, по этой же причине он часто менял своих подружек.

– О чём вы разговаривали с медсестрой?

– Ни о чём, – отрывисто ответила Кристин, – ах да, я спросила хорошо ли ты спал сегодня.

– И что она ответила?

– Что ты спал прекрасно.

Эрик посмотрел ей в глаза и хотел сказать, что роль стервы у неё получается хорошо, но Кристин уже направилась к выходу.

– Поправляйся, Эрик, – сказала она, улыбаясь одними губами, глядя куда-то поверх его лба.

Дверь захлопнулась. Эрик с трудом поднялся с кровати, подошёл к окну. Отогнув край жалюзи, он осторожно выглянул на улицу: рядом с парковкой стояла Кристин. Она повернулась в его сторону и помахала рукой. Эрик поднял руку в ответ, но вдруг понял, что её радостный, оживлённый жест предназначен не ему, а кому-то другому, этажом ниже.

Он непроизвольно пошатнулся, в голове появился адский гул. Палата стала тёмной и будто искривилась. Он попытался удержать равновесие, но всё равно рухнул на пол.

В палате раздавался низкий голос медсестры, напевавшей протяжную песню. Голова Эрика неудобно упиралась в металлическую спинку кровати, но он не обращал на это внимания. Он прислушивался к ровной, спокойной мелодии, и непрошенные слёзы стали застилать глаза. Эрик пытался сдержать их, но бойкая струйка уже вырвалась и потекла по разбитой щеке. В этот момент ему стало тягостно и противно за тот постоянный самообман и юношеское предательство, которые несколько лет невыносимо мучили его.

– Господин Монер, – прошептала медсестра, – вы, безусловно, сильный человек, но, мне кажется, вы боитесь себе в чём-то признаться.

– У каждого сильного человека есть своё прошлое, – отворачиваясь от неё, буркнул Эрик.

Он неловко встал с кровати и, пошатываясь, вышел в бесконечно длинный больничный коридор. Медсестра окликнула его, но он, не реагируя, спустился на этаж ниже. Там он нашёл точно такую же отдельную палату и резко открыл дверь. От порыва ветра распахнулось окно, и тёплый ветерок стал раскачивать звенящие жалюзи. Эрик увидел пациента с таким же отёкшим лицом, с многочисленными кровоподтёками, а на запястье его свесившейся с высокой кровати руки виднелось тату в виде белой орхидеи.

Эрик шагнул вперёд и глухо вскрикнул. Он узнал в этом пациенте свою первую и единственную любовь – Татин. Без

капы и чёрной краски на лице она была всё та же – милая и юная. Эрик высунул голову в открытое окно и сделал судорожный вздох. В голову полезли беспорядочные воспоминания: Татин продала свой маленький дом, и они все средства вложили в его спортивную карьеру... Они вместе радуются первым победам Эрика... Татин ждёт ребёнка... Он сбегает, растворяется в свете манящих, столичных огней, обещающих лучшую жизнь... Он попадает в другой мир и исчезает совсем...

Татин открыла глаза. Эрик молча протянул ей руку. На всём острове и на всём этом свете не было человека, которому бы он так хотел протянуть свою руку. Она ухватилась за его широкую ладонь, и они, покачиваясь, вышли на улицу. К входу подходила Кристин с маленьким мальчиком, похожим на Эрика, таким же коренастым, рыжим и голубоглазым.

– Эрик, прости! Это всё я придумала, – взволнованно сказала Кристин, – и это я долгое время оплачивала тренера для Татин.

Она закрыла лицо своей изящной ладонью, прикрывая слёзы:

– Невозможно было смотреть, как ты мучаешь себя, а Татин оказалась такой же упёртой, как и ты. Это был единственный способ соединить вас. Кстати, отец ничего не знает.

Мальчик потянулся к Эрику, и тот сразу поднял его на руки. Не замечая удивлённых взглядов окружающих, Эрик и

Татин, босые, в длинных больничных рубашках, пошли навстречу полыхающему, карминному закату.